

КАПИТАЛ И ВЛАСТЬ: КОНТУРЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В настоящее время институт государства претерпевает драматические, а в некоторых странах – трагические метаморфозы. 1990-е годы были ознаменованы крахом СССР, Югославии. В начале XXI в. в жерновах «борьбы с терроризмом», «цветных революций», «борьбы с диктаторскими режимами», ставших формами воплощения американской внешнеполитической доктрины «управляемого хаоса», с политической карты мира были практически стерты Афганистан, Ирак, Ливия. Лишь с помощью России беспрецедентные удары удается сдерживать Сирии. Наиболее конфликтогенным регионом, «кровоточащей раной» мира давно уже стала Африка. В Черной Африке из созданных в эпоху деколонизации 48 государств, за исключением ЮАР, практически не осталось сильных государственных институтов, имеющих серьезные региональные амбиции и обладающих необходимыми средствами и влиянием, чтобы замирить конфликты и наладить сносную экономическую жизнь. Для характеристики столь слабой государственности политологи предлагают эффективные термины: «несостоявшееся государство» (failed state), «распавшееся государство» (collapsed state), «частичная государственность» и т.д. Между тем дискуссии о тонкостях терминологии не могут закамуфлировать всю глубину пропасти, в которую стремительно погружается Африка.

Столь многочисленные удары по государственности уже невозможно объяснить субъективными факторами или стечением обстоятельств. Это проявления наметившейся тенденции, вполне определенного процесса. Корни этого процесса следует искать в динамике мировой капиталистической системы.

Несмотря на все потуги постмодернистской философии дискредитировать теоретическую проблематику, сторонники последней не сложили оружия и продолжают формулировать оригинальные концепции. Среди выстоявших и далеко не сломленных в общественном и научном дискурсах тем остается проблематика капитализма. В настоящее время она получила второе дыхание. Ее исследователи считают, что в условиях нынешнего кризиса, а возможно даже заката капитализма, яснее видна вся его историческая перспектива. А всестороннее осмысление капитализма способно приоткрыть завесы над многими общественными реалиями. При системном видении капитализма любой социальный институт в глазах исследователей способен заиграть новыми красками и получить питательный материал для аргументированной интерпретации. Институт государственности не является исключением. Напротив, он может быть объяснен только во взаимосвязи с капитализмом.

В данной статье предпринимается попытка кратко прочертить выстраиваемую в современной литературе траекторию взаимодействия капиталистических и государственных институтов на протяжении всей цивилизованной истории человечества. Речь идет о той литературе, в которой ученые исследуют глобальную динамику социально-экономических, политических, культурных и цивилизационных процессов, в том числе и с точки зрения неомарксистской перспективы. К ним можно отнести таких авторов, как Ф. Бродель, И. Валлерстайн, Дж. Арриги, Л.С. Васильев, В.Ю. Катасонов, А.И. Фурсов, Б.Ю. Кагарлицкий и др.

Первая встреча капитала и власти состоялась на ранних этапах политогенеза (происхождения государства), на рубеже первобытности и древности. С одной стороны, в длительном процессе социогенеза (развития общественных отношений) и кратогенеза (формирования властных отношений) в человеческих сообществах складывались общинные управленческие структуры, затем надобщинные, племенные, происходила урбанизация и постепенно выкристаллизовывались те властные институты, которые принято называть вождеством, протогосударством. Наследственный вождь выступал как субъ-

ект сакрализованной власти и владелец и распорядитель всей общинной собственности. Но при этом в протогосударстве уже серьезно поработал капитал. Правящая верхушка, благодаря властным полномочиям вождя, смогла присвоить и часть дани, собираемой с подопечных территорий, и военную добычу, реализуя то, что принято называть тенденцией к приватизации. В протогосударстве складывается социальное и имущественное неравенство, разделение труда, обмен продуктами труда, ранняя предпринимательская активность. Вождь из вчерашнего слуги общества, старавшегося завоевать общественный авторитет и трудиться на благо коллектива, начинает возвышаться над обществом, стремится подчинить его себе и стать его господином. Люди же, обладающие капиталом, хотя для себя условий, максимально обеспечивающих им прибыль, требуют от власти помощи и защиты своей экономической деятельности. Встреча власти и капитала в качестве сформировавшихся общественных процессов с объективной логикой и субъективными амбициями теоретически могла привести к трем вариантам расстановки сил. К диктату власти над капиталом, к подчинению власти капиталом и их равновесию. Эти сценарии и реализовывались в конкретных исторических условиях. В первых государствах древнего мира именно соотношение власти и капитала определило ту идейно-институциональную основу, которая, по словам Л.С. Васильева, стала фундаментом цивилизации. Так наметилось расхождение между Востоком и Западом, восточными и западной цивилизациями.

На Востоке довольно рано сформировался феномен власти-собственности. К. Маркс, развивая идею азиатского способа производства, считал, что его первоосновой была верховная собственность государства при отсутствии частной собственности и классов. Гегель же считал первоосновой восточных обществ власть, причем в ее наиболее жесткой из известных человечеству до XX в. форм восточной деспотии. Вполне логично, что именно власть (владение) рождает представление о собственности, собственность понимается как функция власти. Власть и собственность неразделимы. Это и есть феномен власти-собственности, ставший идейно-институциональной основой восточного общества и государства. Восточное государство формировалось как командно-административно-распорядительная структура. Эта структура во всеоружии встречала стремление людей к приватизации, рыночную и частнособственническую стихии, отводя их в строго ограниченные рамки. Восточное государство подчинило себе капитал.

На Западе, в античной Греции в процессе политогенеза произошла революционная трансформация восточной социально-экономической структуры. Быстро развивавшиеся товарно-денежные отношения не встретили барьеров на своем пути и привели к становлению западной структуры с господством частнособственнических, рыночных отношений, опирающихся на частное право, гражданское общество, республиканско-демократические формы правления, индивидуальные свободы [4, с. 76–83]. В античной Греции, а впоследствии и в Риме, по большому счету, капитал или находился в равновесии с государством или подчинил его себе. Нас не должно смущать широкое распространение рабовладения, благодаря которому действовавшую тогда общественную систему, или в соответствии с марксистской традицией способ производства, принято называть рабовладельческими. Капитал эксплуатирует любые средства производства, подчиняет различные технико-экономические уклады.

Соотношение капитала и власти в пользу государства привело к стабильному традиционному развитию восточных обществ, разрушенному лишь колониальным вторжением Запада. Соотношение в пользу капитала, напротив, обусловило необычайный динамизм Запада, в конце концов, приведший к формированию капиталистической системы.

Семёнова Людмила Николаевна, доктор исторических наук, профессор кафедры «История, мировая и отечественная культура» Белорусского национального технического университета.

Беларусь, БНТУ, 220013, г. Минск, пр. Независимости, 65.

Распад Римской империи, разрыв налаженных ею экономических связей на несколько веков погрузил Европу в феодализм, характеризующийся политической раздробленностью и натурализацией хозяйства. И государство, и капитал находились в упадке. На рубеже позднего средневековья и раннего нового времени Европа, а не Восток, вступает в полосу модернизации. Капитал бросает вызов сложившимся традициям, капиталистическая и рыночная экономика нарушает общественное равновесие и словно бурный поток при наводнении, сметая все на своем пути, преобразовывает общество. Политогенез вступает в прямую зависимость от развития капиталистической рыночной экономики, порой становясь ее непосредственной функцией. Отныне государство и капитал идут рядом, взаимно усиливая и поддерживая друг друга.

За пределами «пояса городов», по терминологии С. Роккана, сложившихся в Священной Римской империи германской нации и Итальянских государствах и не заинтересованных в сильных территориальных государствах, в Северной и Западной Европе формировались национальные государства [6, с. 41]. Взаимодействие капитала и власти породило такую выгодную для капитала форму государственности как нация-государство, благодаря которой страны выходили на новые витки экономического и политического развития. Капитал «пояса городов» перетекал в сильные государства, становясь международным. Капитал не ограничивает свою экспансию национальными границами. Финансовым и торговым потокам всегда свойственна трансграничность. Сила национальных государств нужна капиталу прежде всего для выхода на международную арену, для завоевания новых территорий и выхода на их рынок. Как полагает Ф. Бродель: «Капитализм не восторжествовал до тех пор, пока он не отождествит себя с государством, пока он не станет государством» [2, с. 32]. Дж. Арриги интерпретирует капитализм как волнообразно достраивающуюся систему контроля (а не производства и не обмена) над рыночными отношениями и политикой государств [1, с. 6]. При этом взаимодействуя с государством, капитал шел на ограничение собственных амбиций, подчинялся власти, требованиям политической системы, гражданского общества, однако это были тактические уступки, не идущие ни в какое сравнение со стратегическими преимуществами, предоставляемыми капиталу государством.

Согласно теории Ф. Броделя и школы миросистемного анализа американского социолога И. Валлерстайна на рубеже средневековья и раннего нового времени примерно с XVI в. стал формироваться европейский капиталистический мир-экономика. В XIX–XX вв. капиталистический мир-экономика превратился в единственную миросистему. С тех пор специфика развития любой страны мира стала определяться логикой развития мировой капиталистической системы. Школа миросистемного анализа отвергает марксистскую концепцию, согласно которой все страны последовательно проходят одни и те же фазы, только в разное время. Даже сходные процессы имеют разный смысл в зависимости от того, в каком месте мировой системы они происходят.

В процессе развития в структуре мира-экономики появляются центр – ядро, полупериферия и периферия. Они не были раз и навсегда данными, меняясь со временем. Складывание центра мира-экономики сопровождалось оформлением сильных государств, точнее государство и капитализм совместно превращали некую территорию в центр, но затем новые потоки капитала сливались в новый центр, уже заботливо подготовленный другим государством и так далее. По словам Валлерстайна, «зону, теряющую прибыль, мы можем назвать периферией, а приобретающую – ядром» [3, с. 89]. Перемещение продукта в ядро концентрировало там капитал и открывало большие перспективы для его инвестирования, в том числе и в механизацию, развитие научно-технического прогресса. Это приводило ядро к радикальной модернизации, техническим революциям, переходам к новым технологическим укладам, а периферию отбрасывало от всего этого, ставя ее в положение вечно отстающей и догоняющей.

Реальными лидерами мировой капиталистической системы поочередно были итальянские города во главе с Венецией и Генуей до XVI в., затем Испания с Португалией в XVI–XVII вв., Нидерланды в XVII–XVIII вв., Великобритания в XIX в., и наконец, США в XX в. Дж. Арриги соотносит это лидерство с системными циклами накоп-

ления, соответственно первым генуэзским, вторым голландским, третьим британским и четвертым американским [1, с. 5].

Перефразируя формулу политогенеза о феномене власти- собственности на Востоке, можно сказать, что на Западе, который явил собой альтернативный путь развития, собственность, в конце концов, покорила власть, и сформировался феномен капитал-власть. Идеологически отставив суверенитет национального государства, будь то монархии или республики, основная масса западных государств, обзаведясь колониями, превратилась в империи. На рубеже XIX–XX вв. колониальные захваты, произведенные объединенным промышленным и банковским капиталом, названным финансовым, весьма сходным по своей сути с традиционным финансовым капиталом, породили новый этап в развитии капитализма – империализм.

Волны колониальной экспансии, и особенно последняя – империалистическая, не оставили шансов на самостоятельное существование государствам периферии. Практически весь Восток – Азия и Африка – были завоеваны и поделены между собой западными государствами центра. Важнейшей причиной столь внушительной победы Запада над Востоком стало соединение силы капитала и государства, феномен капитал-власть. На Востоке тоже развивался капитализм, были свои предприниматели, производившие качественные товары, участвовавшие в рыночных отношениях. Вплоть до конца XVIII в. Индия и Китай не только оставались более богатыми и развитыми экономическими зонами, чем Западная Европа, но и явно выигрывали в торговле с Западом, имея положительный торговый баланс. Восток всегда манил и восхищал своими богатствами, особой торговой атмосферой гигантских городских базаров. Азиатские методы ведения бизнеса ничем не уступали западным. Но восточный бизнес функционировал в рамках традиционных рынков, где решающую роль играет конкуренция товаров. А западный бизнес работал в капиталистической рыночной системе, где преобладает конкуренция капиталов. К тому же восточный капитализм, в отличие от западного, не сливался с государством, а существовал самостоятельно, кстати, в точном соответствии с принципами западного либерализма. И, в конце концов, был побежден западным капиталом, опиравшимся на государственную мощь. По словам Б. Кагарлицкого, «западное государство, в конечном счете, позволило превратить преимущества буржуазного способа производства в источник новой глобальной мощи, с помощью которой можно было изменить соотношение сил между странами и регионами, сформировать новое разделение труда и в итоге подчинить ресурсы большей части человечества задачам развития капитализма» [5, с. 445].

На протяжении длительного исторического времени с XVI по начало XX в. Россия и Речь Посполитая, куда входили белорусские земли, вписывались в капиталистическую экономику в качестве периферии или полупериферии, которая по своим сущностным характеристикам гораздо ближе к периферии, нежели к ядру. Борьба Речи Посполитой и России, «извечный спор славян между собой», с точки зрения миросистемного анализа, это прежде всего борьба за место в периферии мировой системы капитализма. Даже за место на периферии нужно было бороться. У России оказалось больше преимуществ в конкурентной борьбе: она поставляла ядру капиталистической системы не только зерно, как Польша, но и многие другие виды сырья. Собственно Россия стала «фабрикой по производству зерна» для первой «фабрики мира» Англии лишь в XIX в., после распада Речи Посполитой. Советский Союз предпринял попытку отсоединения от капиталистической миросистемы. В 1930-е гг. ему удалось выйти из международного процесса накопления капиталов, из мировой финансовой системы. А.И. Фурсов аргументированно называет советский социализм системным антикапитализмом [8]. Подобные некапиталистические зоны чрезвычайно важны для капитализма. Ведь капитализм как экстенсивная система стремится к расширению. И, в конце концов, он может дойти до последнего предела, до грани мира в целом, как это и произошло в настоящее время. В этом случае может сработать философская закономерность «эффекта целостности», когда какой-либо процесс, став всеобщей системой, сам себя разрушает. Поэтому капиталистическая система устойчиво существует, имея вокруг себя некапиталистические зоны, в которых черпают необходимые материальные и трудовые ресурсы, обеспечивая возможности для экспансии.

Неслучайно, этап второй половины XX в., период холодной войны, сосуществования капиталистического и социалистического блоков, был временем невиданного расцвета капиталистической системы, достижения ею максимальных результатов в освоении и использовании инноваций научно-технической революции, в развитии «государства всеобщего благосостояния». Все это достигалось только благодаря наличию контрагента – Советского Союза и социалистических стран. Но, как считает Фурсов, «наличие системного антикапитализма, хотя он и внеположен капитализму, на определенной стадии начинает деформировать, искажать капитализм, заставляет его развиваться не только по своей, но и по антикапиталистической логике, которая – парадоксальным образом – на какое-то, исторически непродолжительное время – позволяет решить проблемы капитализма, сглаживает его противоречия» [8]. Так и случилось с «государством всеобщего благосостояния» или социальным государством – следующей модификации государства-нации. Национальное государство решило задачу объединения в единый социально-политический организм богатых и бедных, «две нации» по словам Б. Дизраэли, верхи и низы в центре капиталистической миросистемы, закрепив за обездоленными колониальную периферию. Социальное государство, наладив систему всеобщего социального обеспечения и создав средний класс – важный предохраняющий клапан между верхами и низами, продвинулось в решении социальных задач еще дальше, чуть ли не в координатах советского социалистического государства. При определенных условиях, особенно при доминировании индустриального производительного капитала, капитал мог позволить себе такой поворот, но ненадолго. Капитализм по своей сути ни филантропическая организация, и не в его логике решение социальных проблем. Как только финансовый капитал одолел индустриальный, вытесняя его из американо-европейского центра на Восток, что началось с неоконсервативного поворота 1970–1980-х гг., наступил активный процесс демонтажа социального государства.

В условиях современной глобализации информационные технологии привели к безраздельному господству финансового капитала. По определению Ф. Фукуямы наступил «слабо регулируемый глобальный финансовый капитализм» [7]. С распадом социалистического блока в капиталистической системе не осталось некапиталистических зон. Повинуясь «эффекту целостности», капитализм на всех парах несется к собственному саморазрушению, отбрасывая все свои ограничители, включая государственные. Вышедшему на глобальный простор финансовому капиталу, функционирующему в виде электронного сигнала вне любых границ, освободившему себя от обузы материального производства, нет нужды ни в национальном, ни тем более в социальном государстве. Вот они и стали разрушаться на периферии, в Африке как будто сами по себе, в более развитом регионе Ближнего Востока и в Европе (Югославия, Украина) целенаправленно. На защищенное от традиционных государственных институтов пространство быстро приходят вездесущие транснациональные корпорации (ТНК). Однако ТНК пока не спешат расставаться с собственными государствами в ядре капиталистической системы. Государства еще нужны ТНК, но серьезно модифицируемые, решающие только их экономические задачи, своего рода корпорации-государства. Как пишет А.И. Фурсов, «корпорация-государство есть такая форма государственного устройства, цели функционирования которой имеют прежде всего экономический характер, т.е. направлены на снижение издержек, а следовательно, требуют сведения к минимуму политических и социальных издержек по обеспечению «территории прописки» – от сведения к минимуму социальных обязательств, характерных для государства, до избавления от экономически лишнего, нерентабельного с экономической

(корпорационно-государственной) точки зрения населения (от отсечения от «общественного пирога» до фактического исключения из реальной жизни)» [8].

Если восточные цивилизации сразу определили капиталу подчиненное место в структуре власти-собственности, то западная цивилизация в эпоху нового времени выпустила «джин» капитализма на свободу. Капитал начал свое победное восхождение под зонтиком государства, используя его мощь, приравливаясь к его не только экономическим функциям, взаимодействуя и с национальным, и с социальным государством. Но это происходило при наличии некапиталистических ареалов, обеспечивающих капиталу возможности экспансии. Однако в настоящее время с исчезновением социалистических стран, т.е. системного антикапитализма, капитал безжалостно отбрасывает «химеры» социальной ответственности и лояльного отношения к государственным правилам и институтам, переходя в режим максимального получения прибыли и исключительно экономической эффективности. Современные корпорации-государства центра мировой капиталистической системы – это не что иное как политическая форма ТНК, «кластер ТНК», «реальная корпоратократия». Доминирующую роль в таком гибридном государстве играют ТНК, заставляя политические институты выполнять необходимые им экономические и репрессивные функции. С государствами, вставшими на пути ТНК, ведется жесткая политическая (санкционная) или военная борьба. ТНК сподручнее общаться с различными сетевыми структурами, пусть даже откровенно террористическими или криминальными, чем с сильными государствами, умело отстаивающими свои национальные интересы. Но насколько хорош и справедлив мир, управляемый ТНК? Недаром на протяжении всей цивилизованной истории государства выстраивали культурные, духовные, идеологические, социальные, политические барьеры на пути греховных человеческих страстей сребролюбия и стяжательства с невиданной силой расцветших при капитализме.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Арриги, Дж. Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени / Дж. Арриги; пер. с англ. А. Смирнова и Н. Эдельмана. – М.: Изд. дом «Территория будущего», 2006. – 472 с.
2. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира / Ф. Бродель; пер. с фр. Л.Е. Куббеля. – 2-е изд. – М.: Изд-во «Весь мир», 2007. – 752 с.
3. Валлерстайн, И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация / И. Валлерстайн; пер. с англ. К.А. Фурсова. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2008. – 176 с.
4. Васильев, Л.С. История Востока: в 2 т. / Л.С. Васильев. – М.: Высшая школа, 2001. – Т. 1. – 512 с.
5. Кагарлицкий, Б.Ю. От империй – к империализму. Государство и возникновение буржуазной цивилизации / Б.Ю. Кагарлицкий. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 680 с.
6. Ларсен, Ст. У. Моделирование Европы в логике Роккана / Ст. У. Ларсен // Полис. – 1995. – № 1. – С. 39–57.
7. Фукуяма, Ф. Будущее истории / Ф. Фукуяма [Электронный ресурс] // Мировой кризис. – Режим доступа: <http://worldcrisis.ru/crisis/948519>. – Дата доступа: 02.03.2016.
8. Фурсов, А. Мир, который мы покидаем, мир, в который мы вступаем, и мир между ними / А. Фурсов [Электронный ресурс] // Сайт С.П. Курдюмова «Синергетика». – Режим доступа: <http://spkurdyumov.ru/future/fursov/>. – Дата доступа: 05.05.2016.

Материал поступил в редакцию 26.10.16

SEMENOVA L.N. Capital and power: interaction contours

Interaction between capital and power is important nerve of the social life. It is a peculiar division between East and West civilizations. In the East civilizations the state overrode capital in the structure power-ownership. In the West capitalist civilization the capital overrode state developing in the forms of nation-state, social state and contemporary corporation-state – political mode of TNC functioning.